

«Ум и дела твои бессмертны...»

Моск. правда. — 2004. — 11 февр. — с. 7

Работая с делами Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ, обратил внимание на ряд папок с указанием: «Грибоедов». Оказалось, некоторые сведения из них мало известны или неизвестны вообще.

Этот разносторонне талантливый человек уже в юности владел французским, немецким, английским, итальянским языками. Затем освоил латинский и греческий. Позже по службе блистательно общался на персидском, арабском, турецком. Он не был лишен и музыкального дара: на фортепьяно легко импровизировал, известны два его вальса, несколько миниатюр...

В Императорском московском университете Грибоедов занимался по программам словесного, юридического и физико-математического факультетов. В 1812 году «был выпущен кандидатом прав 12 класса». Корнем добровольно вступил в гусарский полк: в ту пору Наполеон двигался к Москве, однако в военных действиях ему участвовать не пришлось. Через четыре года уволен «за болезнью от Войсковой службы для определения к статским делам прежним чином». В 1814 году 9 июня его зачислили губернским секретарем в Коллегию иностранных дел. Через два дня дал «присягу о неразглашении государственной тайны». (К слову, после окончания лицея Пушкин был принят в штат коллегии тем же числом, оставив свой автограф под присягой 15 июня).

Уже через год Александр Сергеевич «в уважение усердной службы» был пожалован в титулярные советники (9-й класс) и определен «секретарем в персидской миссии и переводчиком для восточных языков» в подчинение «Главному управляющему Грузии Генералу от Инфантерии Ермолову». Уже в 1821 году молодой дипломат от шаха получает орден Льва и Солнца 2-й степени, а от российского императора «в воздание усердия и ревности к службе» — чин коллежского секретаря, должность «секретаря для переписки по политической части» и «250 червонных в год».

Благодаря «необыкновенному уму, фанатической честности, разнообразности знаний» Грибоедов в период с 15 июля 1826 года по 19 марта 1828 года в иерархии государственной службы стремительно прошел три ступени чинов: надворного, коллежского и статского советника (5-й класс).

... К началу 1828 года завершилась двухлетняя война с Персией, целью которой было возвращение России обширных территорий Восточного Закавказья. В штабе генерала Паскевича Грибоедов участвовал в обсуждении военных действий, терпел все лишения походной жизни, принял на себя дипломатические переговоры, и 10 февраля в селении Туркманчай близ Тебриза (Тавриза) был подписан выгодный для России мирный договор (трактат), в котором Александр Сергеевич сформулировал ряд его статей и отредактировал окончательный текст. Грибоедов неустанно повторял: «Уважение к России и к ее требованиям, вот что мне нужно». И он этого добился.

В результате к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, ей было подтверждено исключительное право на Каспии держать военный

флот, что явилось основой русско-иранских отношений вплоть до 1917 года. Кроме того, правительство Персии обязалось не препятствовать переселению армян в Россию, а также «уроженцев областей русских или отошедших по этому трактату к России». Купцы получили право свободной торговли на всей территории обоих государств. На правительство Персии «налагалась контрибуция в 20 миллионов рублей серебром». Трактат усилил влияние России в Закавказье и на Среднем Востоке, существенно подорвав позицию Англии.

О своей поездке для переговоров с наследником престола Аббас-Мирзой, старшим сыном шаха, Александр Сергеевич сообщил «Командиру отдельного Кавказского Корпуса генералу от инфантерии, генерал-адъютанту графу Ивану Федоровичу Паскевичу» в донесении (22 страницы написаны мелким четким почерком). Таким ходом событий генерал был доволен и с подписанным трактатом направил Грибоедова в Петербург к Николаю I, сопроводив его своим рапортом: «Повергаю к стопам Вашего Императорского Высочества мирный трактат, заключенный с персидским уполномоченным в Туркманчае. Имею счастье посему благополучному событию принести... мое всеподданнейшее поздравление».

Посылаю с сим донесением коллежского Советника Грибоедова коего я осмеливаюсь рекомендовать как чиновника, который был для меня по политическим делам весьма полезен. Ему обязан я мысленно не приступать к заключению трактата прежде получения впрямь части денег, и последствия доказали, что без сего долго бы мы не достигли в деле сем желаемого успеха».

Позже Паскевич дополнительно сообщил: «И благодаря Бога все сие послужило к достижению важной цели, уплаты контрибуции и мира. И то и другое приобретено. Грибоедов много усердствовал пером и словесными сношениями, удачными идеями, часто приносящими пользу.... Персия ему очень знакома и в сем отношении он всегда может быть полезен...».

14 марта 1828 года император принял Грибоедова по высшему классу. «За услуги, оказанные при переговорах», одарил его щедро: повысил в чине до

статского советника, пожаловал орден св. Анны 2-й степени на шею (с бриллиантовым украшением) «с установленным грамотой и лентой» и сумму в «4000 золотых червонцев без всякого вычета».

Тогда же от государя Паскевич получил благодарственный ответ: «Приезд Статского Советника Грибоедова и приведенные им доказательства, что мир заключен и трактат подписан, преисполнены радостью сердца всех... Слава и признательность отечества победоносным воинам Кавказского Корпуса... Главному их предводителю... Известие о мире получено так кстати, как нельзя более лучше... Господин Грибоедов заслужил орден и... мы уверены, что он будет нам полезен во многом и впрямь по делам Персии».

По случаю возобновления дружественных отношений России «с Персидского Державою, признано... за благо учредить Миссию в Тегеране и Генеральное Консульство в Тебризе... с назначением Полномочным Министром-резидентом Статского Советника Грибоедова, выдав единоновременно... на подъем и необходимые издержки три тысячи червонных».

В Тегеране шах принял Грибоедова «при соблюдении существующего церемониала и великодушных угощений с такими почестями, которых никогда не оказывали в Персии ни одному европейцу». Александр Сергеевич принял подарки от шаха и «изрядной работы» орден Льва и Солнца 1-й степени.

Взыскивать контрибуцию, разыскивать и возвращать на родину русских подданных было одной из основных задач Грибоедова. Раньше он этой непростой проблемой уже занимался и вернулся в Тифлис семьдесят человек пленных и беглых солдат. Он повторял: «Голову мою положу за несчастных соотечественников».

...Посол уже собирался выезжать в Тебриз, в консульство, где ожидала его совсем еще юная, шестнадцатилетняя жена Нина, как вдруг к нему в миссию пришел некий Ходжа-Мирза-Ягуб (Маркарян), евнух шахского гарема «с желанием возвратиться в Эривань, свое отечество». Грибоедов уговаривал его остаться в Персии, заметив, «что он здесь знатный человек, занимает второе место в гареме, где прослужил 15 лет». После некоторых раздумий посол «принял его в дом миссии, дабы вывести с собой в Тебриз, а оттуда на основании трактата в Эривань».

Весть об этом вмиг разлетелась по Тегерану. В тот день «двадцать раз приходили посланцы шаха... говорили, что Ход-

жа то же, что жена шахская, что он — собственность шаха, что посланник отнял жену у шаха... Мирза-Ягуб был в нашей вере, читал наши книги, знал всю тайную историю жизни шаха, все сплетни его гарема и теперь поедет в Россию надругаться над нашею верою! Он изменник, неверный.... Не потерпим, чтобы русские разрушали нашу веру».

Грибоедов настаивал, что Мирза-Ягуб на основании трактата теперь русский подданный и что он «не имеет права выдать его, ни отказать ему в своем покровительстве». Тогда персы «возвели огромные денежные требования на Мирзу-Ягуба, сказали, что он обворовал казну шаха». Мирза отвечал, что он никому не должен здесь ни гроша и документов таких ни у кого нет.

На следующее утро 30 января 1829 года «тысячи народа с обнаженными кинжалами вторглись в дом и кидали камни». Крыши домов миссии были «заняты свирепствующей чернью, которые лютыми криками изъявляли радость и торжество свое». С час охрана миссии отбивалась, но сдержать натиск оголтелой толпы не смогла. Грибоедов приказал охране «выстрелить холостыми», но уже было поздно. Толпа ворвалась во двор миссии, началось кровопролитие. Уцелевшие пятнадцать чиновников и прислуга сгрудились в дальней комнате посла — последнем их убежище. И тут запалы потолок комнаты. Все находившиеся в ней были убиты. Начался грабеж, добычу выносили во двор «и с криками и дракою делили между собой». Всего в русской миссии погибло 37 человек, а также 19 нападавших тегеранцев.

Только спустя несколько дней тело Грибоедова среди других обезображенных трупов было опознано по простреленной насквозь кисти левой руки на дуэли 23 октября 1818 года под Тифлисом с будущим декабристом А. И. Якубовичем («мизинец был сведен после раны и не сгибался»).

Власти Тегерана провели поиски виновников разгрома русской миссии. Около 1500 человек «оказались под подозрением, многие из почетных людей наказаны строго и высланы из столицы», некоторые бежали в другие города, их отыскивали и предавали «заслуженной ими казни... часть из них по одному только подозрению... сие было сделано», чтобы «удовлетворить требованиям Российской Державы и собласты достоинства ея».

Вдове посла княгине Нине Александровне Грибоедовой-Чавчавадзе и матери премьер-майорше Настасье Федоровне Грибоедовой «Государю Императору благоугодно было назначить каждой из них по пяти тысяч рублей ассигнациями ежегодной пенсии по смерти» и сверх того «за разгробление имущества по 30000 руб.».

Шах послал в Петербург своего внука «просить извинения у Государя Императора», убедить его, что «главные виновники ужасного Тегеранского преступления наказаны по законам и обычаям Персии» и передать Николаю I за гибель русского посла алмаз «Шах» весом в 88,7 карата.

Летом 1829 года гроб с телом Грибоедова был доставлен в Тифлис, на что «израсходовано 210 червонных» и 18 июля погребен на горе Мтацминда в церкви Святого Давида. (Потребовалось еще 2366 рублей 90 копеек серебром.) В 1833 году на могиле мужа на свои средства Нина установила памятник, на котором начертано: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Она пережила своего единственного любимого и великого Александра Сергеевича на двадцать восемь лет, и в 1857 году ее похоронили рядом с ним.

Всеволод ЧУБУКОВ.

На снимках: А. С. Грибоедов, гуашь; памятник на могиле А. С. Грибоедова.

